

Детство, опалённое войной...

2.0.22082

ВОИН КРАСНОЙ АРМИИ,
СПАСИ!

Детство, опалённое войной

Книга документальных свидетельств детей
Великой Отечественной войны

Книга II

Чита 2019

К 92(092) + 63.3(2)622-284.1 + 63.3(2)рос-43ад)622-284.1

УДК 94(470) "1941/1945"

ББК 63.3(2)622 – 284.1

Д38

Д 38

Читинское городское отделение
Общероссийской общественной организации «Дети войны».

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ. Книга II: Чита, 2019. – 263 с.

Д 38 Книга документальных свидетельств детей Великой Отечественной войны.

Редакционная коллегия:

Гвоздева Л.И.,

Клопова Г.М.,

Самойлова Р.Д.,

Сухопарова Г.Г.,

Щапова И.Б. – главный редактор.

Научный консультант книги, автор послесловия – Почетный гражданин Читинской области, Почетный гражданин города Читы, Почетный член Академии военных наук *Соловьев Алексей Владимирович.*

ISBN 978-5-906307-38-5

УДК 94(470) "1941/1945"

ББК 63.3(2)622 – 284.1

ЭК

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

Г.О. Салова

© Читинское городское отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны», 2019 г.

© ООО «Читинская городская типография», 2019 г.

Слово к читателям

Уважаемые читатели! Дорогие забайкальцы!

Вы держите в руках второй том воспоминаний людей, чье детство пришлось на далекие трудные героические годы Великой Отечественной войны, годы, которые мы не вправе забыть.

74 года назад закончилась самая страшная, самая разрушительная война в истории человечества – Вторая мировая. Для нас – Великая Отечественная война, которая унесла миллионы жизней наших соотечественников, проживавших на просторах порушенной нашей Родины – Союза Советских социалистических республик. Мы не имеем права забыть всех тех, кто положил свои жизни на алтарь общей Победы советского народа. «Никто не забыт и ничто не забыто!» – многие десятилетия мы, помня, какой ценой завоевано счастье мирной жизни, свято жили с этой мыслью. Много делалось советским государством для фронтовиков, труженников тыла, потом ветеранов Великой Отечественной войны. Много не успели!

Чем дальше в историю уходит Великая Отечественная война, тем всё меньше живых участников сражений. Уходят из жизни те, кто ковал Победу на фронте и в тылу, кто поднимал страну из послевоенной разрухи. Сегодня живыми свидетелями подвига советского народа в войне остались дети фронтовиков. Они подхватили недоделанное отцами.

Дети войны... На их долю выпало страданий, горя, беды столько, что с лихвой хватило бы на несколько поколений.

Рано седили, становились взрослыми мальчишки и девчонки военного лихолетья! Потому что это они жили в ужасе фашистской оккупации и голоде Ленинградской блокады, шли непроходимыми тропами с обозами партизан, видели смерть самых родных людей – отцов и матерей. Их неокрепшие плечи держали половину тыловых забот, которые зачастую были нелегче фронтовых. Они терпели голод и нужду, росли без отцов, помогая и поддерживая матерей. Они тоже жили с мыслью: «Все – для фронта! Все – для Победы!». Поэтому им принадлежит весомая часть Великой Победы и та скромная часть благодарности за пожертвованное детство, за утраченный смех, за преждевременную седину, которую они получили от потомков, своих внуков.

Мы, родившиеся после войны, в большом долгу перед поколением детей войны. И книга «Детство, опаленное войной» – лишь малая толика бесконечной благодарности Великому Поколению детей войны. Каждое воспоминание II тома книги «Детство, опаленное войной», как стеклышко мозаики, вписывается в цельную, неповторимую, зачастую трагическую, но и героическую картину подвига, совершенного советским народом ради Победы над самым страшным злом XX века – фашизмом.

Пусть же эти воспоминания навсегда останутся свидетельством стойкости, мужества, верности детей, защитников Советской Родины!

Пусть книга воспоминаний наших земляков о нелегкой военной и послевоенной жизни станет своеобразным памятником нашим отцам и матерям, бабушкам и дедушкам, которые не только пережили страшную войну детьми, но и сделали многое для того, чтобы дать возможность родиться и жить нам, ныне здравствующим! Подвиг детей войны не должен уйти в небытие вместе с ними!

Чтя память фронтового поколения, которое одержало Великую Победу, мы должны помнить, что без детей войны в тылу трудно было бы победить. Все мы в вечном, неоплатном долгу перед тем поколением, у которого Гитлер и война украли детство.

**И. Б. ЩАПОВА, председатель Правления Читинского городского отделения
Общероссийской общественной организации «Дети войны».**

ДЕТИ ВОЙНЫ

Музыка *Татьяны Тараевич.*
Стихи *Эльвиры Челноковой.*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех одну.*

*Мы были взрослыми не по годам,
Хоть лет тогда немного было нам.
Мы испытали ужасы войны:
Блокаду, голод и мороз зимы.*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

*Теряли мы отцов и матерей,
В глаза смотрели тысячам смертей...
Мы – здесь, а сколько приняла земля
Невинных душ, не ведавших тепла?!*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

*Взгляните в небо ночью при луне,
Там ярко светят звезды в вышине,
Там наши братья – Родины сыны,
Родные, не пришедшие с войны.*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

РАЗДЕЛ I

«МЫ ТАМ ТАКОЕ ПОВИДАЛИ, ЧТО НЕ ЗАБЫЛИ ДО СЕДИНЫ...»

Вспоминают дети, пережившие оккупацию

БАЙРОНОВА
Евдокия Николаевна

Байронова Евдокия Николаевна родилась в ноябре 1941 года в улусе Ихинтай Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Окончила Восточно-Сибирский технологический институт, инженер-технолог пищевой и лёгкой промышленности. Работала на Читинском мясокомбинате и овчинно-меховой фабрике.

Сначала я хочу рассказать о своих родителях. Отец мой, Балтахинов Николай Багдучевич, после окончания военного авиационного училища им. Чкалова в городе Оренбурге был направлен на службу в Западную Белоруссию. Он был лётчиком-штурманом 39-го СБАП (скоростной бомбардировочный авиаполк дальнего действия). Мама приехала к нему в 1940 году, жили родители в городе Пинске Брестской области. В ту пору въезд в Западную Белоруссию был по пропускам. Отца за две недели до начала войны направили на военные учения в город Бобруйск. Как вспоминала мама, он ей сказал: «Тоня, утром выходи на крыльцо, я помашу тебе крылом». Действительно, утром рано пролетело звено из трёх самолётов, и один из них накренился крылом. Это и было их прощание, больше они не виделись. Отец считается без вести пропавшим. В 1975 году я обратилась в Министерство обороны, чтобы узнать о судьбе отца. Мне сообщили, что Балтахинов Н.Б. в июле 1941 года вылетел на разведку с аэродрома города Бобруйска и не вернулся. Место его гибели неизвестно.

А моя мама, Шедгерова Антонина Степановна, оказалась свидетельницей начала этой ужасной войны. В воскресенье, 22 июня 1941 года, загрохотало, загудело всё вокруг. Со сна мама подумала, что это гром такой сильный. Потом взрывы, уханье, задрожала земля. Вместе со старушками, хозяйками квартиры, мама увидела огромное зарево за рекой Пина, где находился военный аэродром. Бомбили в городе именно там, где были военные учреждения и склады.

И началось в городе движение: хаос, крики, люди бегут куда-то с детьми, вещами. Военные группами уходили куда-то, садились в машины. Гражданские просились к ним, но всё было бесполезно.

Хозяйки квартиры, две сестры-полячки, пережили, по их словам, несколько войн и знали, как себя вести. Если бомбят, то надо бежать на кладбище (оно было близко), если стреляют, то в подвал. У них в доме подвал был очень глубокий и оборудован как жильё. В сундуках запасы продуктов, одеяла, простыни.

Мама вместе с жёнами лётчиков, сослуживцев отца, пошла искать комендатуру, чтобы забрать документы. Одна женщина была с Урала, а другая, по фамилии Ташова, – из Владивостока, у неё было два сына. Когда бомбили, то старший мальчик просил мою маму: «Спрячь, тётя, меня подмышкой». Когда подошли к комендатуре, увидели разрушенное здание, летали и валялись на земле кучи бумаг. Мелом на стене указан новый адрес комендатуры. Пошли туда, но и там такая же картина. Один военный на улице сказал им: «Женщины, не ходите, ничего и никого не найдёте. Если вы жёны военных, уезжайте туда, откуда приехали, иначе останетесь здесь навсегда. Сейчас вами никто заниматься не будет».

Днём немецкие самолёты сбрасывали листовки с призывом: «Мирные люди! Встречайте нас в белых одеждах, мы вас не тронем. Укажите только большевиков-коммунистов».

Женщины побежали на вокзал, а там все вагоны забиты людьми. Кругом крики, плач. Увидели поезд с открытыми площадками, груженными камнями, на них сидят люди. Наши женщины тоже сели. Только поезд тронулся, началась бомбёжка, люди побежали врассыпную. Лежат они, прижались к земле, плачут, молятся.

Вот так, «на перекладных», больше двух месяцев мама добиралась до Иркутской области. У неё с собой была небольшая сумка, плюшевое пальто и хромовые сапоги. Сколько пересадок, сколько раз пришлось карабкаться на эти открытые площадки поездов! А ведь мама была на пятом месяце беременности мною. У сапог наполовину оторвалась подошва, пальто не просыхало, стало очень тяжёлое. Мама была моложе всех женщин-попутчиц, спрыгивала с поезда, поднимала тяжести, помогала женщине из Владивостока, у которой второй мальчик был совсем маленький. Ей говорили: «Тоня, береги себя, может произойти выкидыш».

Только через два с половиной месяца оказалась в родных местах. А дома горе: её мама умерла, не дождавшись приезда дочери всего неделю. Брат Александр был в армии, дома только невестка Надя с дочкой Галей. Они жили вместе до конца войны.

После войны мама вышла замуж за фронтовика Бардаханова Багдуя Бардьемовича, который пришёл с Восточного фронта в 1947 году. Родилась сестрёрка Мира. А в 1949 году отчим трагически погиб. Остались одни женщины: мама, бабушка, тётя (сестра отчима), её дочь Рита и моя годовалая сестричка.

Мама учила детей с 1 по 4 класс, работала в две смены. Помню, она ночами сидела, проверяла тетради и писала планы уроков. Электричества не было. Горела керосиновая лампа, стекло которой чистили каждый день. Утром вставали рано. Бабушка растопит печь, и дома светло от печи и тепло в доме. Умывались ледяной водой. За ночь вода в бочонке замерзала даже в доме.

После окончания четырёх классов в пятый класс пришлось ходить в село Ахины за 1,5 километра. Село стояло на горе, там семилетняя школа, куда поступали дети из четырёх селений: Ихинтоя, Тимошенка, Московка, Бухтумура. Это были дети бурят, белорусов, русских. Жили, учились

*Балтахинов
Николай Багдучевич.*

дружно, не было никаких драк, воровства, преступлений. Учиться для нас – это обязанность, так считали родители, и мы, дети, тоже. Хотя жили все бедно. И взрослые, и дети – голодные, холодные. В улусе была столовая, где кормили детей бесплатно один раз в неделю. Была баня по-чёрному, мылись по очереди семьями.

Летом мы ходили в лес, собирали дикий лук. Он рос высотой в метр, толщиной в палец. Мешками носили его домой, крошили и сушили на зиму. Собирали щавель, выкапывали саранки и ели прямо в лесу сырыми. Летом готовили дрова на зиму, сложим поленицу там же в лесу, а зимой на санях возили домой. Сажали в огороде картофель, капусту, свёклу, морковь и турнепс. Ели турнепс, как сейчас мороженое, он всегда холодненький, скоблили ножичком, а у кого стальная ложка, выковыривали стружечкой. Сочный такой турнепс!

С пятого класса нас отправляли собирать картошку. Зато кормили там на поле до отвала. Щи мясистые, хлеба поджаренного навалом. Собирали ягоды: голубику, бруснику. Росли они близко. Грибы росли совсем рядом, они такие крупные, их жарили на сметане. Вот вкуснятина! А варенье варили не так, как сейчас. Сахара не было, потому варили кислые ягоды. Мы, дети, его почти не ели, а взрослые пили, как вино. Сахара давали по одной столовой ложке в день, утром, когда пили чай, хлеб макали в сахар-песок. Вот тебе и завтрак!

Подшло время, и я окончила семь классов. А дальше в восьмой класс надо ехать в село Байтог в пятнадцати километрах от нас. Пешком ходили, изредка ездили на лошади, если дадут подводу. Я жила на квартире, другие – в общежитии. В субботу после уроков соберёмся домой, идём пешком, уже станет темно. Но мы как-то не боялись. А весной бегут ручьи, местами большие, как речки. Ребята уже взрослые, не бросали девчонок, нас на спину свою и переносят на другой берег. Вот так ходили в школу и учились!

Ещё хочу рассказать про наш улус Ихинтой. Наши поселения находятся почти на истоке реки Куды, которая впадает в озеро Байкал. Вода в речке холодная, чистая. Кругом тайга. Сосны стройные, высокие, как в Забайкалье. А берёзы густые, чистые, белые, и трава росла густая, высокая, цветы яркие, в основном, жарки. Это было в 1949-1950-е годы. В 2016 году я побывала там. Нет этих деревьев, сначала леспромхоз вырубал, теперь пожары уничтожили.

Немного о людях нашего улуса Ихинтой. Что удивительно: из нашего маленького улуса почти все получили образование, кто средне-специальное, кто высшее (большинство). Даже есть академик, профессор технических наук Никифоров Кузьма Александрович. А я первая из «детей войны» женщина инженер-технолог пищевой промышленности.

Ещё студенткой я вышла замуж за Байронова Анатолия Аполлоновича, он инженер-строитель. В город Читу мы приехали в 1966 году. Мой муж строил в Чите силикатный, станкостроительный, вертолётный, пивоваренный заводы. В области – Карымский хладокомбинат, Орловский, Жирекенский ГОК(и). Строили без отдыха. Иногда давали бесплатно путёвку на курорт.

Вот я рассказала о жизни детей войны. Дети войны... Стойкие, работающие, ответственные, честные, строили социализм, росла наша страна. Сначала после войны наши родители поднимали страну, дальше пошло наше поколение, поколение детей войны. Поэтому следующие поколения должны знать нас, а страна должна беречь нас. Нам уже за 70-80 лет, и помочь нам надо доживать в добром здравии.

*Взрослели рано дети на войне,
Еще быстрее матери старели,
Хоть годы те давно уж пролетели,
Я помню их, и вы уж верьте мне.*

Сергей Коновалов.

БИРЮКОВА
Римма Ивановна

Бирюкова Римма Ивановна родилась 8 марта 1938 года в городе Калининне (сейчас Тверь). Пережила фашистскую оккупацию, концлагерь. После войны воспитывалась в детском доме. Окончила ФЗУ, получила специальность штукатур-маляра. Работала на стройках Читы. Ветеран труда.

Папа, Иван Васильевич, – офицер Красной Армии. Мама была домохозяйкой. Еще у меня был старший брат Олег, под опекой которого прошло мое детство. Отец постоянно был на службе. Нашим воспитанием занималась мама, ласковая, добрая, заботливая, хозяйственная. Три года и было всего счастливого детства! Но вскоре все резко изменилось. Рухнули радость, смех, детство.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Отец сразу ушел на фронт. Как потом оказалось, навсегда! Семье стало очень трудно. Мама пошла работать, я и брат надолго оставались дома одни. Фашисты подходили к городу. Линия фронта проходила рядом с городом. Стали создаваться подпольные организации и партизанские отряды. Брат Олег сбежал к партизанам, как и многие мальчишки того страшного времени. Связь с ним была потеряна. Следы его затерялись во времени. Став взрослой, я его безуспешно искала. Я очень хотела знать, где погиб? Как?

Осенью 1941 года гитлеровцы вошли в наш город. Маму арестовали за содействие и помощь партизанам. Её вместе со мной увезли в «телячьих» вагонах в Германию на принудительные работы. Нас поместили в концлагерь под городом Берлином. Потом меня разлучили с мамой. Мы, дети, работали на ферме у богатого немца. Ухаживали за скотом, убирали, чистили. После освобождения меня с другими детьми привезли в Калининский детский дом. Документов у меня не было.

В 1947 году меня нашла мама. Я снова почувствовала себя маленькой девочкой, дочкой. Но недолгим было наше счастье. Через год с небольшим мама, измученная, измотанная, угробленная на каторжных работах в фашистской Германии, умерла. Я снова осталась сиротой, теперь круглой.

Когда исполнилось 15 лет, меня определили учиться в ФЗУ (фабрично-заводское училище) при строительном-монтажном поезде треста «Томсктрансстрой». В училище я получила специальность штукатур-маляра. Одновременно училась в ШРМ (школа рабочей молодежи). В 1955 году после окончания ФЗУ началась трудовая деятельность.

Я работала на стройках Читы до самой пенсии. После ухода на пенсию по возрасту работала нянечкой в детском саду, комендантом общежития ПТУ.

С мужем воспитали двоих замечательных детей. Есть внуки, правнуки. И хотя мою жизнь легкой не назовешь, я никогда не унывала, верила в хорошее.

Война прошла по нашим душам и телам. Невозможно передать всё то, что пережила и перечувствовала я ребенком в войну. Иногда мне снится война, и становится страшно: может, это было не со мной, может, это было в другой жизни? И до сих пор хочется, чтобы не было этих воспоминаний. Хочется, если уж не забыть, то пусть эти воспоминания как можно реже приходят ко мне. Война – это смерть, это разлука с родными, это страдания.

Бирюковой Р.И. 12 лет.

ВАЖГОВСКАЯ
Екатерина Александровна

Важговская Екатерина Александровна родилась 15 октября 1931 года в деревне Изморознь Хотынецкого района Орловской области. Стаж работы – 40 лет. Труженица тыла. Ветеран труда.

Мой отец, Карпов Александр Васильевич 1903 года рождения, работал в колхозе. Был бондарем, по заказу сельсовета изготовлял большие бочки и бочки с ушками. Летом косил сено, сгребал, скирдовал. Был стахановцем. Мама, Анастасия Ильинична 1903 года рождения, трудилась в колхозе на полях: сажала, полола, косила. У меня были сёстры: Анна, Антонина и Нина. От родителей мы рано научились работать, не боялись никакого труда, Взрослые пахали землю на лошадях с помощью плуга или сохи, а мы сажали картошку, удобряя при этом лунки навозом. У нас была цель – получить хороший урожай, родители хвалили нас за работу. Но детство омрачила война, принесящая голод, страх, смерть, бесконечное горе для всех.

Осенью 1941 года наша деревня с красивым поэтическим названием Изморознь оказалась на оккупированной территории. Фашисты у местного населения забирали скот и птицу, увозили в районный центр. Мне ярко запомнился день, когда я пошла через огород к стогу сена, надёргала крючком целую охапку и отнесла в стайку, бросив сено в кормушку для коровы. Когда подошла к дому, увидела приставленную к стене винтовку, зачем-то взяла её и шагнула в сени. Навстречу мне из избы вышел молодой немец с бараном на шее, выхватил из-за пояса острый длинный нож и занёс руку высоко над головой, готовый нанести точный сильный удар. Я тут же протянула ему винтовку, как бы говоря жестом: бери, это тебе. Фашист убрал нож, а я быстро поставила оружие к стене и юркнула в избу. И тут на меня напала трясучка. Тряслись ноги, руки, челюсть, да так, что не мог попасть зуб на зуб. Неведомое раньше чувство страха охватило меня и запомнилось навсегда.

В 1943 году после освобождения Орловщины от фашистов отца призвали в армию. Сначала призывали молодых, затем мужчин постарше. Похоронка на отца пришла в 1944 году – умер в госпитале от ран. Ему было 40 лет.

Воевали братья отца – Дмитрий и Алексей, а также двоюродный брат Иван. Были на той страшной войне и Нефёдовы, мамины братья – Андрей и Иван.

В 1943 году нас поселили недалеко от деревни Алехино. Жили мы рядом с военными, там располагалась их часть. Мы жили и спали в блиндаже на соломе. Я слышала, как кто-то из военных произнёс: «Не трогать красноармейскую семью!». Запомнились постоянные бомбёжки и наши уставшие, измученные боями солдаты.

Недалеко протекал ручей, куда женщины ходили стирать бельё. Пошла и я с мамой. Ещё не успели расположиться на берегу, как внезапно появился фашистский самолёт и стал сбрасывать бомбы на землю. Мы с мамой побежали, чтобы укрыться в небольшом лесу, но упали, и на нас посыпались тяжёлые комья земли. Кругом летели осколки бомб, земля вздрагивала от взрывов. Когда всё стихло, мы с трудом встали. Нам повезло, но были погибшие и раненые. Подошли к лежащей на берегу женщине, которая стонала и просила пить. Её ранило осколком в живот. Кто-то ей дал воды, она с жадностью пила, но вода выливалась наружу через живот. Здесь я поняла, что вода не всегда означает жизнь.

Помню, как старшая сестра Анна с комсомольцами ходила рыть окопы, как голодали, и мама пекла небольшие лепёшки из высушенной и растёртой в порошок какой-то травы, как ходили с млад-

шей сестрой Тоней просить милостыню, и за весь день подали только Тоне маленькую сморщенную свёклу. Чудом выжили.

Мы, перенёсшие весь ужас страшной войны, завещаем потомкам крепко любить свою Родину, не забывать историю нашей великой страны, чтить память героических предков, спасших страну от фашизма!

ВОЛКОВА
Жаннета Михайловна

Волкова Жаннета Михайловна родилась 3 августа 1938 года в городе Батайске Ростовской области. Окончила Ростовское профессионально-техническое училище. С 1963 года живет в Чите. Работала в проектно-институте корректором-чертежником. Ветеран труда.

До войны наша семья жила в городе Батайске Ростовской области. В семье нас было три сестренки: Риточка, Ниночка и я. Помню, как на Новый год папа ставил огромную елку, и мы с мамой украшали ее красивейшими игрушками. А когда наступал праздник, мама наряжала нас в новые красивые одинаковые платья. Папа заводил патефон, ставил пластинку с мелодией танца «Яблочко», и мы, три его дочки, став друг за дружкой, выходили в танце. Папа сиял от счастья, а нам доставались аплодисменты и подарки.

Но летом 1941 года вся эта счастливая жизнь разом рухнула. Война... Она, страшная, суровая, голодная, рушила и убивала все на своем пути, убивала детство, надежды, мечты.

Ростов-Батайск – это огромный железнодорожный узел, откуда дороги ведут во все стороны нашей необъятной Родины – на Кавказ, в Крым, на Украину. В войну это сыграло огромную стратегическую роль как для наступающих фашистов, так и для наших войск. Именно поэтому на нас приходился главный удар. Нас бомбили днем и ночью. Мы просыпались от ужасных гудков сирены, которые предупреждали об опасности. Этот звук еще долго сопровождал нас и после войны. Мне не было еще трех лет, когда я услышала гул самолетов и разрывы снарядов и бомб.

Слева направо – мама, я, Нина, Рита и бабушка. 1939 г.

Папа, чтобы как-то укрыть и обезопасить нас, выкопал во дворе землянку, он даже провел туда электрический свет. Туда унесли перины, подушки, и некоторое время мы там спасались от бомбежек. После налетов мы выходили из землянки. Но налеты были так часто, что как-то мама сказала: «Не пойду, умрем, так умрем! Надоело бегать и прятаться, устала!». Мама заплакала, и мы с ней заодно. Во время одной сильной бомбежки раздался такой оглушительный взрыв и треск, что думали, земля раскололась надвое. Стекла во всех комнатах выбило, мы стоим, дрожим. Маме стеклом побилло руку и лицо, струилась кровь. Нас охватил страх. Когда все затихло, мы вышли во двор и увидели, что в том месте, где была землянка – огромная яма, и летает перо от наших подушек и перин. Так интуиция мамы спасла нас от гибели. Остаться здесь было нельзя. Собрав свои пожитки, мы отправились, сами не зная куда. Остановились в поле. Папа уехал в совхоз договориться, чтобы нас приняли. Мы же остались в маленьком окопе. Какое-то время спустя мама вылезла из укрытия, чтобы разжечь костер и покормить нас. Она уже разогрела чай, когда услышала звук летевшего само-

летевшего самолета. Мы все встали и побежали к окопу. Мама уже успела разжечь костер, но она была ранена. Мы спрятались в окопе. Когда самолёт улетел, мы вышли из окопа. Мама была ранена, но она была жива. Мы все были живы. Мы все были живы.

лета. Вражеский самолет летел прямо на нас. Мама упала на землю, прикрыв голову руками. Немец заметил нас и стал пикировать на наше укрытие. Несколько раз он заходил на цель, разворачивался, взлетал вверх, снижался и все время строчил из пулемета. Мама со страхом и слезами лежала на земле. Потом немец улетел, а мы долго плакали в объятиях мамы.

Папа отвез нас в совхоз, недалеко от Батайска. Там бомбили немного меньше. Жилья не было. Нас поселили в огромной землянке с одним маленьким оконцем, в которой уже жили 32 человека. С нами жили папина сестра, тетя Клава, ее сын Володя и бабушка Анна Ивановна. Там родилась наша младшая сестричка Олечка, которая умерла через полгода. Папа сделал маленький гробик, мы уложили туда нашу крошку, убрали полевыми цветами и ветками цветущей акации. Олю похоронили в лесополосе под акациями.

Нас сильно выручали лесополосы, посаженные как защита от ветров в наших степных краях. В них росли фруктовые деревья, черемуха, шиповник, шелковица. Мы не только этим питались летом, но и заготавливали (сушили) на зиму.

Немцы то отступали, то наступали. Нашим бойцам дорого пришлось заплатить своими жизнями, чтобы выбить фашистов из Ростова. Когда наступило маленькое затишье, папа решил вернуться домой. Погрузившись на тракторный прицеп, мы поехали. В те дни немцы отступали. Шли и ехали они пыльные, среди них были раненые. Мы их страшно боялись: вдруг начнут в нас стрелять.

Как-то вечером в наш дом постучали, папа открыл дверь. Вошли три немца и красивая женщина в черном бархатном платье. Это была наша соседка, которую звали, как и нашу маму, Марусей. Мило улыбаясь, она выложила перед мамой три изумительно красивых платяца. Были они сиреневые в цветочек, и у каждого впереди висело по колокольчику. Это было чудо! Немцам нужен был патефон, вот они и пришли, чтобы обменять его на платяца. Помню, у папы по лицу заходили желваки. Он сказал: «Нет у нас никакого патефона!». Но немцы настаивали, стали кричать и угрожать, приставив к папиному виски пистолет. Папа был непреклонен! Мама собрала все эти платяца и протянула их Марии. «Зря вы так!» – сказала она, и все они ушили. Но пришли немецкие солдаты, устроили обыск, сорвали пол, перевернули все вверх дном, но патефона не нашли. Патефон стоял за спинкой дивана, они его почему-то не увидели. Страшно подумать, что бы они сделали, если бы нашли патефон. Могли бы расстрелять не только папу, но и всю семью.

От сильных переживаний и голода тяжело заболела мама. Она лежала на кровати без сознания. Папа не знал, что делать, он плакал. Поставив нас на колени у кровати мамы, встал рядом и начал молиться, и мы повторяли за ним слова молитвы. Через три дня мама пришла в сознание.

Я до сих пор помню черный хлебушек, величиной со спичечный коробок. Мы его не ели целиком, а сосали, положив в рот маленький, с горошину, кусочек. Бабушка покупала мелкую рыбешку тюльку, каждому к кусочку хлеба выдавала по 4-5 штук этой рыбешки. Когда варили мамалыгу, это было радостью еще и потому, что бабушка давала по очереди вылизывать половник, предварительно хорошо обив его о край кастрюли.

Жизнь шла своим чередом. Война заканчивалась. Наши края освободили от оккупантов. Но, видно, без горя нам не суждено было прожить. В 1944 году наконец папа дождался долгожданного сына. Папа назвал его Анатолием. Радости не было предела! Папа от счастья был на седьмом небе. Но папа неожиданно погиб. Переходного моста через железнодорожные пути в то время не было. Приходилось или подлезать под вагоны, или искать вагон с тамбуром для перехода. Мама с папой переходили как раз через такой тамбур. Мама перешла первой, папа только успел взяться за поручни, как поезд резко тронулся, руки папы от сильного толчка оторвались от поручней и его бросило прямо под колеса между вагонов. Папа погиб на глазах у мамы. Мне в то время было 8 лет, братику, которого так ждал папа, – 2 годика. Кормилицей в семье осталась одна мама.

Потеря была велика, но надо было жить, и хотя нам выпала такая горькая судьба, души наши не очерствели. Я смогла окончить

8 классов, пошла учиться в Ростовское училище. Выучилась, стала закройщицей модельной обуви. Очень любила свою работу. По велению сердца уехала осваивать целину, работала на уборке урожая в Акмолинской области в поселке Есиль. По комсомольской путевке работала на сакмане во время окота овец в Сальских степях. Это были самые счастливые дни в моей жизни.

Так случилось, что судьба занесла меня в 1963 году в Забайкалье, где так много хороших людей, которые стали для меня близкими. Здесь я вышла замуж за Волкова Георгия Николаевича. Вместе мы уже 52 года. Георгий Николаевич 42 года проработал газорезчиком на ПВРЗ. Вырастили дочь Елену, есть внучка. Любим свою дачу, где выращиваем много цветов.

Молодым хочу пожелать не забывать своих дедушек и бабушек, уважайте то, что пережили они.

Волкова Ж.М. с мужем
Георгием Николаевичем.

ГОНТАРУК
Валентина Андреевна

Гонтарук Валентина Андреевна родилась 17 июля 1938 года в городе Лугин Житомирской области Украинской ССР. Окончила Одесский техникум культуры, Улан-Удэнский институт культуры. Работала библиотекарем, зав. клубом, директором Дома культуры, в Читинском областном Управлении культуры, где трудилась в течение 25 лет. Трудовой стаж – 56 лет. Ветеран труда. Отличник культурно-просветительской работы.

Все дальше уходит в историю опаленное войной детство, но не уходит память о тех годах. Я была трехлетним ребенком, когда услышала страшное слово «война». Мой отец, Мельниченко Андрей Викторович, служил в Молдавии в танковых войсках. Когда началась война, отца срочно перевели в Одессу, а отсюда – на фронт. Мать и мы, четверо детей, остались в Одессе у бабушки и дедушки. Осенью город был оккупирован фашистами. Дед спрятал нашу семью в катакомбах, где мы провели полтора месяца. Было там очень холодно и сыро, не хватало еды и воды. Выжить в таких условиях помогали партизаны, они из окрестных сел приносили еду. Потом в катакомбах появилась коза, и самым маленьким детям давали молоко.

Немцы неоднократно «выкуривали» спрятавшихся в катакомбах людей, пуская удушающий газ. Многие тогда погибли. Когда мы вышли из катакомб, то увидели развалины домов, изуродованную войной технику, трамваи...

Наш дом фашисты сожгли, поэтому мы жили в землянке. Дед ловил в лимане бычков, раков. Через четыре месяца приехал на подводе родственник деда и забрал нас в село Куричьи Лозы.

Партизаны и местное население вели борьбу с врагами в самой Одессе. Фашисты устраивали на них облавы, жестоко наказывали, проводя публичные казни, загоняли женщин и детей смотреть эти жуткие зрелища.

После освобождения Одессы в 1944 году меня и двух старших братьев определили в детский дом села Березки Одесской области. Первые послевоенные годы тоже были голодными. Помню, как вкусно нам было все: сладкие корешки ирисов, терпкие вишневые листочки, щавель, лебеда. Деликатесом был подсолнечный жмых, в просторечии макуха. Но самое главное лакомство – цветущая белая акация. Ее сладкие гроздья перемалывались нашими детскими зубами так быстро, что приходи-

лось кого-то отправлять на верх дерева, чтобы наклонить еще не оборванные ветки. Ходили со старшими на лиман ловить бычков, которых сразу жарили на огне и ели.

В детском доме начались мои школьные годы, там я окончила семилетку. Школа была особенная, как мне казалось: в одной классной комнате занимались несколько классов, и со всеми работала одна учительница. Не было ни тетрадей, ни ручек. Писали обточенными палочками на старых плакатах и газетах. Чернила делали из сока бузины.

Дальнейшее обучение продолжила в Кировоградской области. За учебу в старших классах надо было платить, поэтому летом я работала в семеноводческом совхозе. Мне уже тогда приходилось думать о себе, потому что у нас была большая семья, а работала одна мама. Отец прошел всю войну, был тяжело ранен и вскоре умер.

В 1962 году мы с мужем приехали в Читу, он работал в лесоустроительной экспедиции. С ним мы воспитали двоих сыновей.

Очень трудно вспоминать годы войны. До сих пор я ценю каждую корочку хлеба, не смотрю фильмов и не читаю книг о войне. Боюсь грозы, потому что раскаты грома напоминают о взрывах и гуле самолетов.

ЕРЕМИНА
Валентина Григорьевна

Ерёмина Валентина Григорьевна родилась в Белоруссии в 1944 году. Окончила Оршанский техникум железнодорожного транспорта. Работала на Харанорском разъезде.

Мои родители были вместе в партизанском отряде, отец погиб при освобождении Белоруссии в 1944 году. Погибли на фронте и мои дедушки. Остались мама и бабушка да растерзанная врагом земля. Всё было в руинах. Жили по три и больше семей в хатах тех, у кого осталась крыша над головой. Взрослые очень дружно взялись за работу, строили хоть какое-то временное жильё, разводили подсобное хозяйство, чтобы прокормиться. Было очень трудно, но все были очень дружными, помогали друг другу и верили в лучшее будущее.

Мы, дети, собирали ягоды, грибы и сдавали в пункты приёма. Летом помогали работать на полях, на огородах. А зимой, хоть и при керосиновых лампах, учились в школе и учились хорошо. Помню, как мы, тимуровцы, в свободное время шли помогать одиноким старикам. Рубили у них дрова, носили воду, помогали по хозяйству.

Потом я поступила в Оршанский техникум железнодорожного транспорта. Окончила его в 1964 году и по направлению приехала работать на Харанорский разъезд. Тогда в Забайкалье прибывало много специалистов: учителя, врачи, горняки, железнодорожники. И главное – подработки не были брошены на произвол судьбы, у них были наставники из лучших бригад. Детей 14-15 лет брали на работу учениками слесарей, токарей, связистов.

Особые слова благодарности я говорю детям войны, которые постарше меня, за их самоотверженный труд.

ЖЕРНОКЛЕТОВ
Владимир Иванович

Жерноклетов Владимир Иванович родился 5 июля 1939 года в селе Лухтоново Курской области. Окончил Иркутский институт народно-го хозяйства. Работал на строительстве Читинской ГРЭС и Читинского камвольно-суконного комбината. Имеет правительственные награды. Ветеран труда.

Лето 1941 года. Солнце, тепло, цветущие луга, бурливая речка, счастливое детство. Тишина. Наша семья: мама, папа, брат, сестрёнка и я – до войны жила в селе Лухтоново Курской области. Родители работали в колхозе, растили хлеба, буряк, разные овощи. Большую часть сдавали колхозу. Мы, дети, как могли, помогали родителям, в основном, по дому. Ухаживали за животными, работали в огороде. Находили время и для детских игр, забав.

22 июня 1941 года война ворвалась в нашу жизнь внезапно, круша и разрушая всё на своём пути. Война призвала всех мужчин колхоза на защиту Родины, на фронт. Из нашей родни ушли 6 человек. Опустело село. Остались старики, женщины, дети.

Сентябрь 1941 года был по-летнему тёплый. В один из таких дней я с друзьями бегал по улице. Часа в 2-3 дня услышал страшный грохот, гул техники. Это колонна автомобилей двигалась от города Рыльска (Курская область) к нашему селу. Дрожала земля – по ней шли фашисты. На машинах, мотоциклах они подъезжали к каждой хате, кричали, угрожали. По селу раздались выстрелы, крики, плач женщин, детей. Подъехали к нашей хате, мгновенно снесли плетень, открыли стрельбу, убили поросёнка, гусей, кур. Мама выскочила к ним, кричала, плакала. Я подбежал к ней, обнял. Фашисты выгнали жителей из хат, разрешили взять самое необходимое из вещей, а, главное, приказали взять вёдра и лопаты и погнали из села в Барбашов Ров. Позже мы поняли, зачем нам лопаты – рыть в овраге землянки для жилья. А наше жильё фашисты захватили. Деревенским «женским батальоном» руководил одноногий дед, фашисты его не тронули. На улице осень, а вырытые землянки в овраге были без окон, без дверей и без печей. Помню, дверь закрывало не то покрывало, не то половик, но это не спасало нас от дождя, снега и холода. В этих землянках два года жили и старые, и малые, здесь болели, умирали. Мама вечером, закутавшись в тряпье, садилась спиной к «двери» и прикрывала нас от непогоды и холода. А она в это время была ещё молодая, кормила грудью маленькую сестрёнку Людочку. Своей грудью наша мама закрывала нас, своих детей. Берегла. Как выжили? Не знаю. Питались чем придётся. Летом, осенью можно было пожить на огородах, полях. Зима и весна были самыми голодными временами года.

Часто навевались фашисты с оружием, они обходили наши землянки, выискивая партизан. Периодически обстреливали наши поселения. Застрелили старую бабушку, потому что у землянки увидели, как им показалось, чужие следы сапог. Хотя в таких сапогах могли ходить и жители, и подростки. Обувь-то не было, донашивали, что находили. Иногда приходили в темноте наши, общали новости. От них мы узнали, что разгромили немцев под Москвой. Это был ещё только декабрь 1941 года.

Летом 1943 года в наши края пришла Красная Армия. Солдаты, танки... У людей они вызывали на глазах слёзы радости, надежды. Наши войска двигались на Прохоровку, где произойдёт знаменитое танковое сражение. Победа под Курском привела к коренному перелому в войне, и хотя до Победы было далеко, но ликовали все. Осенью мы узнали, что наше

село очистили от врага. С радостью мы бежали домой. Но в селе не было ни дворов, ни заборов, ни уцелевших построек. Стояли одни стены без окон и дверей. Но остались печи, пол. Значит, жить можно. Военный фотограф сделал наш семейный снимок у хаты, набросив на стенку плащ-палатку. Платье для фото маме дала соседка, а мы в своём старье. Это война! (См. фото на 14 стр.).

В деревне Лухтоново до войны было 60 дворов и много жителей. На фронт ушли все мужчины, домой вернулось 9 инвалидов, в том числе наш отец, Иван Иванович, и три его брата. Наше село находилось в 5-6 километрах от районного центра Рыльска. При его освобождении погибли более 2 тысяч солдат и более 5 тысяч мирных жителей.

Потихоньку жизнь налаживалась, хотя в селе были в основном женщины, старики и дети. Одеты мы были очень плохо, ничего из старого не сохранилось, изнашивалось и то, что было на нас. Купить было нечего и не на что. Латалось старье. Летом бегали босиком и полуголые, а осенью, зимой мама мастерила, делала, что умела, чтобы одеть и обуть нас. Поэтому мы часто простывали, болели. Немало детей не дожили до Победы.

В свободное время дети помогали в колхозе, как могли. Сажали, убирали овощи, подбирали колоски хлебные, пасли скот. Нам выдали корову. Свою кормилицу всю зиму держали в хате, берегли, согревали. Коровника не было. Очень дорога была она нам.

Мама работала с утра до ночи. Отец-инвалид работал по хозяйству и присматривал за нами. Уже зимой в восстановленном колхозе всех женщин и девушек обязали изучать трактор, устройство сельхозмашин, агротехнику. В конце весны 1945 года в колхоз пригнали технику: старенький, но на ходу трактор ХТЗ на железных колёсах, сеялки, автомашины. День и ночь на них работали наши дорогие женщины и девушки. Пахали, сеяли, убирали урожай. Сдавали большую часть собранного урожая государству. Нам оставались крохи, но терпели. Война нанесла большой ущерб всему государству.

День Победы 9 Мая был встречен со слезами на глазах, но с ликованием, радостью. Пришла надежда на спасение, на жизнь. Работали взрослые, дети учились.

*Памятник погибшим воинам в г. Рыльске.
На снимке Жерноклетов В.И.*

Отец вернулся с фронта без ноги, больной. За войну он был ранен четыре раза. За мужество и стойкость награжден четырьмя медалями. Раненому фронтовику, инвалиду, работы по силам не было, и он по вербовке уехал в Забайкалье, в Читу. Нам написал, чтобы и мы готовились к отъезду. Мама сушила сухари, копила сахар, какие-то ещё продукты в дорогу. Собирала вещи, домашнюю утварь. Ехать надо было далеко, в неведомый, холодный край. По вызову отца осенью 1949 года мы тронулись в путь. Ехали в старых вагонах долго, т. к. паровозы на станциях менялись, заправлялись водой, углём. За Байкалом ждали толкачей. Это паровозы, которые помогли подняться на хребет и спуститься с него.

Приехали в Читу 7 ноября 1949 года. Мороз в городе минус 40 градусов. Туман. Дым. Жуткий холод. Отец нас встретил и увёз на Кадалу. Нам, семье из пяти человек, выделили в общежитии одну комнату. Маме удалось устроиться на работу на железную дорогу смазчицей вагонов. Трудно было, но мы были все вместе. Но недолго. Сказались военные ранения отца. Вскоре он умер. От военного лихолетья, от простуды и перенесённых болезней умерли мама и сестрёнка. От всей семьи остались я и брат Анатолий. Так с тех пор и живем в Чите.

Рано пошли работать. Я, окончив семь классов, поступил в строительный техникум и после его окончания был направлен на строительство Читинской ГРЭС. Работал на строительстве КСК. Заочно окончил Иркутский институт народного хозяйства. Многие годы работал в железнодорожных ор-

ганизациях. Имею правительственные награды, в том числе и за рационализаторские предложения и трудовую деятельность. Инвалид 2-й группы (последствия военного детства). Нахожусь на пенсии, веду здоровый, активный образ жизни. В семье два сына, успешно окончили Читинский государственный университет, 2 внука, один правнук. Жена.

В 2013 году ездил в родные курские края. Долго бродил по родному Рыльску, посетил мемориал, посвящённый землякам, где в братских могилах лежат 2007 погибших жителей, среди них четыре моих дяди. Возложил цветы к памятнику Воину-освободителю.

ЗАБОРИНА
Жанна Георгиевна

Заборина Жанна Георгиевна родилась 7 февраля 1938 года в селе Журавичи Рогачевского района Гомельской области Белорусской Советской социалистической республики. Окончила Брестский техникум железнодорожного транспорта. По направлению приехала работать на Забайкальскую железную дорогу. Работала техником в ПМС-54, ПЧ-4, в Управлении дороги – инженером. Имеет звание «Почетный железнодорожник». Ветеран труда.

Мой отец, Горбунов Георгий Максимович, в 1939 году по направлению партии был командирован на работу в Западную Белоруссию. Семья переехала в районный центр Ружаны Брестской области. Здесь и застала нас война. Отец сразу ушел защищать нашу Родину. Больше мы его не видели. Уже после войны мама получила извещение, в котором было написано: «Ваш муж, младший сержант Горбунов Георгий Максимович, уроженец Тамбовской области, находясь на фронте, пропал без вести в сентябре 1944 года».

Я с мамой, сестрой Риммой и братом Виктором не успели эвакуироваться. Мы были в военкомате, когда в населенный пункт на мотоциклах въехали фашисты. Нам пришлось вернуться домой.

Чтобы 12-летнего брата не угнали в Германию, мама отправила его в деревню к хромому сапожнику, где он занимался полевыми и домашними работами. Голодали, приходилось попрошайничать. Мама за кусочек хлеба и картошку соглашалась на любую работу.

Местное население, в основном, поляки и белорусы. Кто-то из местных донес фашистам, что живет в селе семья коммуниста, и нас в июле 1943 года арестовали и вывезли в тюрьму города Волковыска, в ста километрах от Ружан.

Спали мы там в бараках на трехъярусных нарах, подложив под себя свою же одежду. Прежде чем залезть на свое место, отряхивали с ног блох. Во дворе тюрьмы кучами лежала гнилая мерзлая картошка, но даже ее нельзя было брать, если заметят, избивали. Каждую ночь немцы с собаками проверяли бараки, кого-то уводили. Больше эти люди в барак не возвращались. Выпустили нас в мае 1944 года. Помню, как это было. Выстроили нас в одну линию, перед нами автоматчики. Открыли ворота и сказали: можете идти! Но никто не шелохнулся, все боялись. Мама уже со мной и сестрой попрощалась, как вдруг все побежали...

Домой дошли пешком. Но немцы каждую ночь нас проверяли, караулили партизан. Мама должна была каждую неделю отмечаться в гестапо.

Когда наша армия наступала, приехал из деревни брат Виктор, он сестру Римму и меня успел вывезти в лес. Мама работала санитаркой в больнице, она тоже успела с больными уйти от немцев. Так мы спаслись от немецких пуль. Немцы спохватились, искали нас, но было поздно – нас не было в городе. В лесу мы прожили около недели. А потом пришла Красная Армия и освободила Белоруссию.

После освобождения было тоже тяжело. Не хватало хлеба, еды, но было мирное небо, не рвались снаряды и бомбы, и дети могли учиться.

В 1949 году сердце мамы не выдержало... Дальнейшее мое воспитание легло на плечи сестры, которая была старше меня на 10 лет. Она к тому времени работала в райкоме комсомола. Как опекун получала она на меня 175 рублей в месяц. В 1951 году она вышла замуж, и мы переехали в город Брест, где я окончила школу и поступила в Брестский техникум железнодорожного транспорта. Окончила техникум в 1958 году и по распределению была направлена в город Читу на Забайкальскую железную дорогу. Прошла путь от техника до инженера Управления дороги.

Забайкальской железной дороге я отдала 38 лет.

ИШАРИНА
Юлия Павловна

Ишарина Юлия Павловна родилась в 1938 году в городе Краснодаре. Окончила Читинский государственный педагогический институт. Работала в Читинской школе №38 учителем русского языка и литературы. Отличник народного образования СССР и РСФСР. Ветеран педагогического труда.

Молодость моих родителей, Панина Павла Ивановича и Паниной Дины Тихоновны, совпала с великими преобразованиями в стране. Они – выходцы из бедняцких семей. Благодаря Октябрьской революции получили право на образование. Мама была неграмотной. Прошла ликбез (ликвидация безграмотности). Окончила курсы трактористов, что по тем временам считалось большой честью. В 1932 году райкомом комсомола была направлена на рабфак в Краснодар. Окончила педучилище и работала с беспризорниками в Краснодарском детском доме № 1. Была постоянным участником агитбригады «Синяя блуза».

На курсах учителей в Краснодаре она встретила с Павлом Ивановичем Паниным. Они поженились, и вот они, молодые учителя, полные энтузиазма и светлых надежд на будущее, в 1940 году начинают свою педагогическую деятельность в станицах Каменноостская и Абадзехская Тульского района Краснодарского края. А через год – война...

В октябре 1941 года папу призвали в армию, и он ушел на фронт. Через некоторое время мы получили сообщение: пропал без вести.

В августе 1942 года война дошла и до станицы Абадзехской. Мне тогда было всего 5 лет. Но в условиях войны дети быстро взрослеют, многое понимают и помнят. Именно поэтому военные воспоминания остались у меня на всю жизнь! В тот момент у всех на устах было одно слово – отступление. Помню: был сильный ливень, взрослые что-то закапывали, куда-то гнали скот, где-то за станицей слышны выстрелы, разрывы авиабомб, гул самолетов... Вдруг все стихло, и через станицу пошли отступающие советские войска. Солдаты – грязные, голодные, измученные... Не останавливаясь, шли, пряча глаза, низко опустив головы. Можно было понять чувства этих людей, которые оставляют на произвол судьбы женщин, стариков и детей. Жители станицы старались хоть чем-то помочь, накормить. Мы, дети, стояли вдоль дороги, и каждый ребенок предлагал бойцам что-то съестное. У меня было целое ведро помидоров, а в руках военная фотография папы. Один боец приостановился, взял помидор, погладил меня по голове и сказал одно-единственное слово: «Жив!».

К вечеру в станицу на мотоциклах въехали фашисты. Мне, ребенку, особенно запомнилась первая партия оккупантов. Мы громко смеялись, говорили на непонятном языке, но отдельные русские

слова произносили внятно и четко: «Матка, сало, яйка, молоко, Сталин – капут!». Мы с мамой жили при школе, в ней поселились немцы. Они заставили порезать всех кур. На школьном дворе нашли для себя развлечение: стреляли в огромную свинью. Та визжала, немцы хохотали... Потом вкусно пахло жареным мясом. Немцы стали пировать, а женщин-учительниц заставили прислуживать себе.

Потом была вторая партия немцев, третья. И так много месяцев голода, унижений, страха и холода! Немцы съедали все продукты, которые находили в домах, не стесняясь, забирали хорошие вещи. Мы оказались оторванными от всего мира. С риском для жизни пробирались в лес, на огороды, чтобы добыть хоть какую-то пищу.

К концу оккупации спеси и самоуверенности у фашистов поубавилось. Однажды немка-переводчица угостила меня шоколадом, вкус которого я почувствовала впервые, до этого я не знала, что это такое. Пожилой немец подкармливал меня. Немец-часовой отворачивался, когда мы, дети, пробирались на склад, где хранился жмых. Если раньше под страхом смерти нельзя было ходить в лес, то теперь немцы закрывали глаза на то, что мы бегали туда за желудями, кизилом, дикими грушами, чтобы спастись от голодной смерти. Помню, на заборе кто-то повесил красный флажок и углем написал: «Гитлер – капут!», но немцы не стали искать, кто это сделал. Им нужно было спасти свои жизни.

Красная Армия постепенно выбивала захватчиков с нашей земли. Шли ожесточенные бои. Во время бомбежек взрослые спасали детей в овраге, тушили пожары, помогали раненым. Помню постоянные бомбежки, ужас, страх... Бомба попала во вторую половину нашего дома, где жила другая семья. Мы отделались испугом: осколком раздробило ножку стула, на котором сидела мама. Соседские дети, Ваня и Таня, погибли. Помню, они лежали под белыми простынями прямо на земле, а рядом – бабушка с оторванной ногой.

И вот – освобождение! Немцы убежали, кто в чем, жалкие и испуганные. В станицу вошли советские войска. Пришла весточка и от отца. С ним случилось самое страшное, что может случиться на войне. 15 мая 1942 года в боях под городом Ровно он попал в плен к фашистам. Освободили их советские войска в апреле 1945 года. О его страшном пути под № 178921 мы узнали из папиного дневника, который прочли уже после его смерти: «Незабываемое, ненавистное, каторжное, рабское существование, как длинный тяжелый сон... Ровно, Минск, Германия. Лагерь смерти 4В, Претин-Фалькенберг, лагерь 304, Гросс Требен». Три года плена... Почти год хождения по мукам в репатриационных лагерях.

Запись 14 июля 1945 года: «Наша часть была направлена на репатриацию на разбор руин электростанции. Там уже шесть тысяч человек разбирают турбины, трансформаторы для отправки на Большую землю. Хорошо! Очень хорошо! Конец фундаменту германского нацизма. Сколько жизней сожрал он за три года! А сколько до этого!».

Читаешь воспоминания отца, и слезы на глаза наворачиваются. Нечеловеческие испытания! Но в страшных условиях плена он сохранил свое человеческое достоинство. По вечерам для товарищей по несчастью он пересказывал романы русских классиков, читал стихи. В дневнике помещены стихи Пушкина, Некрасова, Блока, Маяковского. Рассказывал о дружбе с голландским журналистом, с которым они вместе работали на ферме у немецкой фрау. Единомышленники находились везде. В дневнике много адресов: Новосибирская, Московская, Киевская, Пензенская, Курская области. В плену пересеклись его пути с писателем Степаном Злобиным.

В дневнике много размышлений об истоках фашизма, о том, как такое могло случиться в стране Гете и Шиллера. Проезжая мимо городов, за колючей проволокой которых он находился, папа видел, какие страшные разрушения несет фашизм людям. Вот запись: «В Фалькенберге – депо, исковерканное до крайности разрывами бомб, угольный склад, где мучил непосильной работой нашу команду надзиратель по кличке Бандит». От знакомого немца-путейца узнал папа о смерти этого изверга. Его застрелил кто-то из бывших узников. «Смерть его снилась, – пишет папа, – нашим ребятам долгие годы каторги». Упоминает папа и других истязателей – Бродягу, Овчарку, Червоточину, Лукашку. Есть записи о возвращении на Родину. Дорогу домой он назвал дорогой гигантской битвы: Польша, Познань, Восточная Пруссия, Литва, Каунас, Минск, Харьков. Везде развалины, обуглен-

ные стены, остовы корпусов заводов... Вот запись от 29 июля: «Мыслию о том, что увижу Краснодар, Дину, Юльку, наконец, школу, что снова буду работать, копаться в путанице человеческой психологии, в дебрях словесных сокровищ...». Эти мечты папы долгое время были недостижимы.

После возвращения на Родину отец долго не мог найти свою семью. Нам с мамой пришлось уехать в соседнюю станицу Даховскую. Встреча была печальной: перед нами стоял изможденный, больной, худой человек в потрепанной одежде, с рюкзаком за плечами. Мама приложила все усилия, чтобы выводить его, у него к тому времени была начальная форма туберкулеза. Ей удалось в голодное послевоенное время приготовить ему спасительное лекарство – мед, алоэ, масло. Спасла нас и дополнительная продуктовая карточка. В августе 1946 года у мамы родилась двойня – мой брат Женя и сестра Оля. Женину карточку меняли на мед, масло, молоко для папы. Особенно удручала отца мысль о том, что он как побывавший в немецком плену окружен недоверием: «Проживаю без вины виноватый без паспорта по спецудостоверению, как заклеянный».

Еще долго звучали в нашей семье отзвуки войны. Папа излечился, но его несколько лет не допускали до учительской работы. И только после 1953 года он был реабилитирован. Постепенно жизнь налаживалась, папа стал работать учителем русского языка и литературы. Мама преподавала математику. Но никакой обиды, никакого ожесточения в нем не было. Запись в его дневнике от 05.07.1955 года: «С осени пытаюсь восстановиться в парторганизации. Может, примут. А для чего? Для людей русских, советских, для детей, труда... Хорошая штука – жизнь!». Испытания, выпавшие на его долю, не прошли даром. Папа умер в 1964 году в возрасте 54 лет от инфаркта.

ЛАВРУК
Борис Климентьевич

Лаврук Борис Климентьевич родился 17 июля 1936 года в поселке Чингильтуй Борзинского района Читинской области. Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал на Забайкальской железной дороге главным инженером Электросбыта. С 1979 года – на преподавательской работе в Читинском железнодорожном техникуме. Ветеран труда.

Я родился в семье командира Красной Армии. Отца, Климентия Никитовича, из Чингильтуя перевели в Даурию, отсюда в мае 1941 года мы уехали в отпуск на Украину к родственникам. Отец успел до начала войны возвратиться к месту службы, а мы, мама и два сыночка, остались ждать, когда поспеют фрукты. Мама пыталась вернуться домой, но немцы разбомбили все железнодорожные пути.

Вскоре в село Приватов Любарского района Житомирской области пришли немцы. Лютовали, расстреливали целые семьи, особенно те, в которых кто-то служил в Красной Армии. Я с детства благодарен соседям, что не выдали маму. Как пережили оккупацию без продуктов, соли, мыла... Освободили нас в феврале 1944 года. Помню, танки, конницу и снег по самую крышу. Уехать в Забайкалье мы сразу не могли: назревала война с Японией. В том же 1944 году я пошел в школу.

В Даурию мы вернулись в 1946 году, а там, как говорится, «ни кола, ни двора». Мама перевезла нас в село Передняя Бырка Борзинского района. Здесь я окончил школу. За отличную учебу райком ВЛКСМ отправил меня в Артек. Из-за бедности денег на дорогу не было, но и здесь помог комсомол. Читинский обком комсомола взял надо мной шефство. Возвратился я в сентябре, когда уже началась учеба в ШВТ (школа военных техников), в которую я хотел поступать. Обком комсомола и тут мне помог. Привезли меня в ШВТ прямо в кабинет начальника школы. Я настоял, чтобы учиться электрическому делу. Окончил я в 1955 году уже железнодорожный техникум. Направили меня после окончания в город Благовещенск, а оттуда на станцию Мули (сейчас станция Высокогорная) де-

журным техником электростанции. В октябре этого же года был призван служить на Тихоокеанский флот. Отслужив, вернулся в Читу, работал на нескольких предприятиях. В 1967 году заочно окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1979 году с должности главного инженера перевели на преподавательскую работу в Читинский железнодорожный техникум, где и проработал до ухода на пенсию в 2012 году.

МАРТЫНЕНКО
Майя Яковлевна

Мартыненко Майя Яковлевна родилась 25 декабря 1932 года в городе Полоцке Белорусской ССР. Окончила Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина. Учитель истории и обществоведения. Работала в школах учителем истории, организатором внеклассной работы, в Читинском институте усовершенствования учителей. Отличник народного образования СССР. Награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда». Лауреат форума «Общественное признание – 2008 год». Отмечена наградой национальной ассоциации офицеров запаса

Вооруженных Сил за мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Ветеран труда.

В июне 1941 года мне исполнилось восемь с половиной лет. Была у меня обыкновенная семья: папа, мама, старший и младший братья, старшая сестра и я. Отец до войны работал директором техникума, мама была домохозяйкой. Старшая сестра в 1940 году окончила педагогический техникум и год проработала в школе в Западной Белоруссии. Старший брат до войны окончил 9 классов, а младшему было 9 лет.

А потом было 22 июня 41-го года.... Помню, что с утра всё начиналось, как всегда: я встала, умылась, выпила чаю и отправилась на главную усадьбу совхоза. Жили мы в замке, который был расположен в километре от главной усадьбы совхоза «Жиличи». И замок, и земли совхоза до революции принадлежали польскому пану, по-моему, по фамилии Буглак. Это было огромное поместье, на территории которого и был образован совхоз. В замке часть помещений занимала средняя школа и сельскохозяйственный техникум, директором которого и был мой отец. Совхоз был богатейший. Много гектаров земли занимали сады, был завод по производству вина. Но особую гордость составляли лошади. До чего же они были красивы! Я помню, что мы, ребяташки, могли часами наблюдать за ними, когда их выводили на тренировки. В совхозе было много скота, особенно коров, поэтому была своя маслобойка. Была своя пекарня, где выпекали вкусный хлеб и замечательные плюшки. У меня была обязанность – каждое утро бегать за этими плюшками, которыми торговали в магазине. В этом магазине продавали все: продукты, посуду, разную одежду и даже сельскохозяйственный инвентарь. А еще был там один особенный товар, который вызывал у меня необыкновенный восторг. Это были расписные церковные ложки! Но когда мы с мамой приходили в магазин, она ни за что не хотела их покупать. А в то памятное утро 22 июня мама дала мне, по моим представлениям, много денег, потому что у нее не было мелочи. Перед уходом мама наказала, чтобы я сдачу положила на дно сумки, под платочек, чтобы не потерять. Конечно, никакую сдачу я не стала брать, а на сдачу я купила целую сумку этих замечательных ложек. Забегая вперед, хочу сказать, что впоследствии эти ложки оченьгодились. Под предлогом обмена ложек на продукты я ходила в соседние деревни по поручению старшего брата или мамы, которые были связаны с партизанами.

И вот иду я домой с плюшками и ложками, подхожу к замку и вижу, что у нас открыто окно, и на подоконнике стоит приемник, а под окном стоит толпа людей, и все слушают какое-то выступле-

ние. Мужчины курят, а женщины плачут. Кинулась к маме, она и сказала: «Доченька, война!». Конечно, за ложки ругать не стали. Надо сказать, на меня сообщение о войне особого впечатления не произвело, потому что о войне всё последнее время говорили, а со студентами постоянно проводили учения. Подумаешь, война! Это ведь где-то далеко! Стали приходить сообщения, что немцы продвигаются очень быстро. Мы стали готовиться к эвакуации. Главная задача была – угнать скот, особенно лошадей. Отец не был мобилизован в действующую армию. Он и другие коммунисты занимались эвакуацией скота, чтобы он не достался врагу. Нам он сказал, что пришлет несколько телег, чтобы детей и кое-какие пожитки можно было увезти. Но немцы так быстро продвигались вперед, что он не успел.

Потом пришли немцы. Более трех лет мы находились в оккупации. Сначала фашистов было много, но они пошли дальше на восток, а в совхозе остался стоять немецкий гарнизон. Немцы наладили работу в совхозе. В то лето было много фруктов, заработал винный завод. Коров не успели всех угнать, стала работать маслобойня. Но всё, что производилось в совхозе, отправлялось в Германию. Из квартиры нас выгнали, выделив одну маленькую комнатку на всю семью. И всё время был страх, что нас выдадут немцам, ведь мы были семьей коммуниста. Отец, к тому же, был депутатом Верховного Совета Белорусской Советской социалистической республики.

И вдруг в моей жизни произошло одно событие, которое перевернуло всё моё детское сознание, заставило понять, что такое война и насколько хрупка человеческая жизнь.

Была середина июля 41-го года. Я с другими ребятами побежала на речку купаться. Там около моста было наше любимое место. Мы называли его пляжик. Бежим, смеемся. Война войною, а дети есть дети. Светит солнце, небо синее, трава зеленая, птицы поют. И вдруг мы остолбенели: на нашем пляжике, на желтом песке лежат три человека. Мы вначале даже и не сообразили, что они мертвые. Я помню, что время как будто остановилось. Двоих я узнала сразу. Один был наш учитель, еврей. Второй – цыган, кузнец из соседней деревни. И третий – солдат, или, как тогда их называли, красноармеец. Мне так и запомнилось: синее небо, желтый песок и красная кровь. На мосту стоят два немца и три полицаи. Видимо, они и расстреляли этих людей. Помню, мы не закричали, не побежали. Мы молча смотрели друг на друга, полицаи на нас, а мы на них. Помню, было не страшно, было чувство какого-то безразличия. Мы молча развернулись и побрели домой. Дома я ничего никому не сказала, молча легла на кровать и уснула. Меня не могли добудиться ни к обеду, ни к ужину. Мама испугалась и пригласила соседку, работавшую до войны врачом в совхозной поликлинике. Врач осмотрела меня и сказала маме, что это так организм борется с нервным потрясением.

Я проспала всю ночь и весь следующий день, проснулась только вечером. К этому времени мама уже знала, что произошло на реке. Она не стала спрашивать меня, видимо, не хотела расстраивать. Но с этого момента для меня жизнь разделилась на «до войны» и «во время войны». Мне уже не хотелось играть, как прежде, в обычные игры. Из веселой беззаботной девочки я сразу превратилась в замкнутого ребенка, не очень общительного. Могла часами сидеть и молчать. Выход нашла мамина подруга, которая работала заведующей библиотекой. Она приобщила меня к книгам. И я постепенно погрузилась в мир книг. В них я искала ответы на те события, которые происходила вокруг меня.

Прошло лето, наступила осень. В доме всегда было холодно, не хватало еды. За работу в совхозе платили мало. Именно в это время происходит одно событие, которое изменило дальнейшую жизнь нашей семьи. И для меня всё изменилось. Я увидела, как в коридоре мама разговаривает с бывшим преподавателем техникума Шульцем. Он не ушел с нашими, остался в оккупации. Работал у немцев переводчиком. Они перекинулись несколькими словами и поднялись по лестнице на второй этаж. Вечером, когда мы с младшим братом легли спать, мама со старшим братом сидели и тихонько разговаривали о чем-то. Потом брат что-то писал, а мама шила. Утром мама сказала, что, когда женщины из соседней деревни, работавшие на ферме, пойдут домой, я должна буду пойти с ними менять вещи и ложки на еду. Она сшила мне сумку через плечо, сложила туда кое-какие вещи и ложки, о которых я писала раньше. Вот и они сгодились. К вечеру мама собрала меня в путь. Поверх пальто она повязала клетчатый платок. Я еще удивилась, почему на платке появились заплатки? Так прятались запи-

санные на белых тряпочках и зашитые под заплатки сведения, которые передавал Шульц партизанам. Помню, первый раз я пошла перед Новым 1942 годом, а через несколько дней в совхозе кто-то расклеил листовки, где писалась о разгроме немцев под Москвой. Я же никак не связывала это событие со своим походом «за едой». Только после войны я поняла, что мама и брат таким образом оберегали меня. Ведь в случае опасности я могла запаниковать, а ничего не зная, я вела себя совершенно естественно. И только через много лет, став матерью, я поняла, что пережила моя мама, отправляя своего ребенка в неизвестность. А сколько было таких матерей в оккупации во время войны! Они, часто рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, и воевали, и кормили, и лечили тех, кто воевал.

Мне вспоминается один случай. Было лето 1942 года. Маршрут мне уже был хорошо известен. Пришла в деревню, переночевала, а рано утром отправилась дальше. Шла часа два. Дошла да деревни, нашла нужный мне дом, в котором жила молодая женщина с детьми. Была она всегда веселая, с длинной косой, звали её Маруся. Было у неё трое детей. Старшему мальчику было лет шесть, потом девочка и еще один мальчик, которому было года полтора. Когда я к ним пришла, Маруся доставала из печи хлеб и складывала его в мешок. На столе лежали свежее испеченные буханки хлеба. В это время и вошли в дом немецкий офицер, солдат и полицаи. Офицер оглядел дом, увидел хлеб и закричал: «Партизан! Партизан!». Я удивилась – в доме были только Маруся и дети. Офицер что-то сказал солдату, тот поднял автомат и выстрелил в Марусю. Она упала. Все произошло так быстро, что я ничего не успела сообразить. Потом они собрали весь хлеб, погрузили на телегу и уехали, а дом подожгли вместе с нами. На меня же напал какой-то столбняк, хотя мне было уже 9 лет. Вместо того, чтобы хватать детей и убегать, я с Марусиными ребятами забилась за печку. Помню, в дом забежал полицаи, с ним еще какие-то люди. Нас всех вывели на улицу. А Маруся сгорела... Детей забрали родственники, я пошла дальше. По дороге мне встречались машины, телеги, запряженные лошадыми. В них ехали немцы, полицаи, но никто не обращал внимание на меня. Идет себе побирушка и идет...

Но потом все-таки пришлось уйти к партизанам. Тогда, считай, вся Белоруссия была в партизанах. Одни воевали, другие их кормили, одевали, лечили. В лесу появился партизанский отряд, командира которого звали Батяка. Кто-то пустил слух, что это наш отец, потому что еще до войны студенты между собой так звали нашего отца, своего директора. Знакомые спрашивали маму, правда ли это? Но что могла она сказать? Мы знали только, что он, спасая скот, ушел с нашими в тыл. Оставаться в совхозе для нас стало опасно: в любое время нас могли арестовать. Однажды я услышала, как мама сказала старшему брату: «Шульц сказал, что надо уходить». На следующее утро, как всегда, мама одела меня, повесила через плечо сумку и отправила за «едой». Домой велела не возвращаться, а ждать её в той деревне, куда она меня отправила. Через несколько дней пришла мама, младший брат и старший брат верхом на жеребце, которого угнал у немцев. Так моя семья попала в Азерский партизанский отряд Рогачевского соединения. Помню фамилии двух командиров: Пинчук и Шевелев или Шевелов. Других фамилий не помню.

Запомнилась последняя зима оккупации. Немцы уже терпели поражение за поражением. Не давали им покоя в тылу партизаны. На борьбу партизан фашисты отвечали жесточайшими карательными акциями, блокадами.

В марте 1944 года наш отряд, где было много женщин и детей, окружили фашисты. Кто смог, вырвался. Остальных, человек сто, они выгнали из леса и пригнали в деревню. Гнали нас через лес. Собаки лают. Полицаи орут, чуть кто отстал – сразу расстрел. Наконец, лес закончился, выгнали нас на опушку. Полукругом стоят несколько танков и машин. Здесь всех поставили на колени, в снегу мы простояли до вечера. Помню, было не страшно, но очень хотелось спать. Хотелось лечь в снег и уснуть. Но как только я пыталась это сделать, мама брала меня за шиворот и ставила на колени. Вспоминая этот эпизод, я всегда думаю о том, почему нас немцы несколько часов держали на снегу. Ведь среди нас не было партизан. Были только женщины, старики и дети. Причем все были полуживые. Разве мы представляли какую-то кому-нибудь угрозу? И все-таки вокруг нас стояли солдаты с автоматами и полицаи. Когда стемнело, нас разогнали по хатам. Мы попали в хату, где жила одна старенькая бабушка. В хате топилась печь, в печи стоял чугунок с картошкой, на столе – миска

с квашеной капустой и солеными огурцами. Но мы так замерзли, что было не до еды. Сразу же залезли на печку. Помню, как в хату вошли два немецких солдата и полицаи. Маму повалили на пол и стали избивать. Я бросилось к маме, фашист ногой в сапоге отшвырнул меня, я упала и потеряла сознание. Когда пришла в себя, то увидела, что мама лежит на полу в изодранной одежде, изо рта у нее идет кровь. Бабушка подложила ей под голову подушку и горестно сказала: «Да раницы не доживе, лигкие выхаркае и помрэ». Всю ночь мы просидели около мамы. А утром, когда пришли полицаи и стали нас выгонять на улицу, мама была еще жива, но встать не смогла, и бабушка осталась с ней. Нас вывели на улицу, там уже было много людей. Всех взрослых увели, слышались автоматные очереди... Нас, детей и подростков, погнали из деревни. Деревню подожгли. Все, кто остался в хатах, сгорели... Сгорела и наша мама с бабушкой...

Горящая деревня осталась позади. Гнали нас весь день. К вечеру нас пригнали в село, где была большая церковь. Нас загнали в церковь. Мы подумали, что сейчас нас начнут жечь. Ведь немцы часто именно так и поступали. Мы стали плакать. Но через некоторое время пришел священник, с ним еще несколько женщин. Они принесли хлеб, воду и стали раздавать все это нам. Потом мы легли на пол и уснули. Утром нас снова погнали. И так гнали несколько дней. Наконец, пригнали в какой-то населенный пункт, на окраине которого стояло несколько бараков. Нас загнали туда. Утром пришли немцы и стали всех детей сортировать. Детей неславянской внешности, еврейских и цыганских детей, куда-то увезли. Оставшихся снова сортировали, измеряли наши головы каким-то прибором, мы называли его циркулем, взвешивали, измеряли рост. Заставили всех раздеться. Помню, мне было очень стыдно, ведь мне было уже 11 лет, а в бараке были и девочки, и мальчики. Велели одеться. Потом стали подводить к столам, на которых лежали листы белой бумаги, какие-то цветные кружочки, квадратики, треугольники. Помню, что когда я подошла к столу, мне велели внимательно посмотреть на предметы, лежащие на белом листе, потом убрали их и велели разложить в прежнем порядке. Заставляли читать и пересказывать. Я помню, что очень старалась, мне казалось, что если я ошибусь, то всё... Очень хотелось жить! Потом разводили всех по разным концам барака. После этого часть детей куда-то увели. А меня с другими детьми погрузили на машины и повезли. Один из полицаев сказал, что нас повезут в Германию. Теперь нас караулили немцы. Мы уже поняли, что нас не убьют. Но все равно было страшно. На территории восточной Польши нас отбили местные партизаны, и в Германию мы не попали. Сегодня, когда я слышу, что творится в Польше по отношению к России и к памятникам нашим солдатам, то меня не покидает ощущение, что это говорят о другом народе. Ведь мы жили и работали среди них более полугода, и никогда никто не отказывал нам в куске хлеба или ночлеге. Поляки давали нам одежду, прятали от немцев. Иначе как бы мы выжили? Последних месяца полтора я жила у одной полячки, помогала ей по хозяйству, а по воскресеньям она говорила мне, чтобы я брала ксенджу, так по-польски называется Библия, и вместе с ней шла «до костелу». Там она молилась, а я повторяла слова молитвы: «Матка боска, Чинстоховска...». Что сейчас сделалось с этими людьми?

Осенью пришла Красная Армия. Я помню, какая была радость! Нас всех собрали недалеко от какого-то костёла на площади. Выступал советский офицер. Он был такой красивый! Форма, погоны, ордена! Солдаты окружили нас, угощали хлебом, сахаром. Один советский солдат вытащил из вещмешка расшитый украинский рушник и подарил его мне. А другой из кармана достал кулечек, развернул его, и в руке у него оказался комок сахара, именно комок. Сдул с него крошки табака и протянул мне. Потом мы этот комок разделили на кусочки. Я так подробно все вспоминаю, чтобы подчеркнуть, что это были за люди, победившие в бесчеловечной той войне. В борьбе столкнулись не просто два государства, две системы, две идеологии. Столкнулись две цивилизации! Многие поляки хотели оставить детей, тех, кто поменьше. Но, помню, офицер сказал, что это наши советские дети и у них есть свой дом, и они поедут на Родину. Я запомнила: именно «свой дом». Так на всю жизнь осталось впечатление – еду домой!

Нас вернули на Родину и распределили по детским домам. Мы с братом попали в один детдом. Уже начался учебный год, у меня воспитательница спросила, в какой класс меня записать? Я ответила, что в пятый, но вскоре выяснилось, что знаний у меня маловато, и меня перевели в четвертый.

Где-то в конце 1944 года случилась одна ситуация, которая по-иному заставила взглянуть на окружающий мир. Мы с ребятами возвращались из школы, и вдруг я услышала немецкую речь. Я не то чтобы испугалась, очень удивилась. Потому что эта речь слышалась из-за забора, за которым находился госпиталь. Оказывается, что там лечили и пленных немцев. И вот тут я сорвалась! Что со мной было, я не помню. Очнулась через несколько дней в больнице. Лицо было разбито, ногти на пальцах рук сорваны. Первый вопрос, который я задала врачу: «Почему они нас уничтожали, а мы их лечим?». Врач объяснил, что это больные люди, и обязанность врачей лечить больных. Я сказала: «Это не люди, а немцы!». Врач ничего не ответил мне, пожал плечами и ушел. Медсестра сделала мне укол, отвернулась, заплакала и тоже ушла. Я лежала на кровати и своим детским умом все думала и думала. Я не могла понять, как можно лечить немцев после того, что сотворили они на нашей земле. Можно ли все это забыть и простить? Понять всё это мне помогла наша воспитательница Елена Николаевна. Когда я выложила ей все свои мысли, она ответила, что мы – люди другой цивилизации. Я тогда и слова-то такого не знала. Моя воспитательница сказала, что советский человек – это не фашист. Он не может себе позволить опуститься до мести поверженному врагу. А окончательный конец моим сомнениям о добре и зле положил простой, не очень, может быть, образованный человек. Звали его дядя Петя. Он воевал, дошел до Германии, был контужен. На Родине его встретила сторевшая хата, и не осталось в живых ни одного человека из когда-то большой семьи. Когда я ему рассказала о своих сомнениях, он сказал: «Они там, на западе, живут для тела, а мы – для души». Вначале я не поняла, а он пояснил, что за границей люди любят, чтобы мягко поспать, хорошо поесть, чтобы было удобно жить. А мы, сказал дядя Петя, живем для души. Они там думают, чтобы им было хорошо, а мы, чтобы было хорошо всем. С этого времени у меня на душе стало спокойно. Не то, чтобы я простила, но уже не стало той злости и ненависти. И мимо немецкого госпиталя я ходила уже без страха.

Так прошел 1944 год. Наступил 1945, и всем стало ясно, что это будет Победный год. И он наступил этот День Победы! Он мне запомнился на всю жизнь! Девочкам пошили черные сатиновые юбочки, а мальчикам – черные шаровары и белые рубашки, а еще привезли несколько ящиков с галошами. В день Победы мы нарядились в новую нарядную одежду, обулись в блестящие галоши. На груди у всех были красные пионерские галстуки. Красота!

Вот такими мы и пошли на парад. На площади собрался, казалось, весь город. Были речи, пели песни, плясали прямо на улице. И был крестный ход. Нас, детдомовцев, отпустили погулять до обеда. Все пошли, кто куда. Я пошла в церковь. Во время войны, когда я ходила по деревням, я часто видела стариков, которые молились. Я тоже молилась за то, чтобы остаться живой, чтобы наши победили. Около церкви сидел инвалид и продавал свечи. У меня не было денег, чтобы их купить. Подошел офицер с девушкой. Он посмотрел на меня и всё понял. Он купил свечи и несколько штук дал мне. И вот я, такая красивая, в блестящих галошах, в красном галстукке, заявила в церковь. Поставила свечки и за упокой, и за здравие. Помолилась. А молитв за войну я выучила много, особенно нравилась мне одна, которая начиналась так: «Пресвятая дева Мария, радуйся». Помолившись, я пошла домой. Да, да, именно домой! Потому что у нас был замечательный детский дом, и люди, которые там работали, были для нас родными, добрыми, чуткими! Наверное, благодаря тому, что нас окружали добрые люди, мы, дети, потерявшие близких и родных людей, переносили невероятные страдания и ужасы войны без всяких психологов, без всяких органов по правам детей. И мы выросли людьми и не стали волчатами. Кажется, Карл Маркс сказал, что «если характер человека формируется обстоятельствами, надо сделать эти обстоятельства человеческими». Можно создать массу разных государственных и негосударственных органов, общественных организаций по правам детей, по их воспитанию. Но если общество в целом бесчеловечно, воспитать хорошего человека невозможно. Мне повезло:

Мартыненко М. Я. с правнуком.

**Это была демOVERсия книги - Детство, опалённое войной.
Книга II. Книга документальных свидетельств детей Великой
Отечественной войны**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34